

«Прошлое не вычеркнешь: слишком много жизней и крови оно стоило»

И У ЧЕРНОВИКОВ бывают, оказываясь, свои судьбы, как случилось, например, с этими написанными начерно некрасовскими письмами, относящимися к 1971 и 1973 годам. Они находились у Виктора Платоновича до 17 января 1974 года, когда на его квартире большая группа сотрудников КГБ произвела обыск, длившийся почти двое суток (с перерывом на ночь). Результат «операции» — увезли семь мешков рукописей, книг, писем, журналов, газет, фотографий и т. д. Впрочем, теперь подробности той «операции» широко известны, более двух лет назад в «ЛГ» (№ 4 от 24 января 1990г.) был опубликован рассказ об этом самого Некрасова. Вскоре после обыска, писал он, ему часть вещей вернули.

Меня давно интересовала судьба остальных изъятых у писателя материалов. Примерно год назад от комиссии по литературному наследию В. Некрасова я обратился в Службу безопасности Украины с просьбой выяснить, не сохранились ли в архивах «компетентных органов» какие-нибудь некрасовские бумаги. До последнего времени было известно лишь то, что документы, к которым писатель авторского отношения не имел и которые считались «антисоветскими и идейно вредными», в соответствии с тогдашними нормами уничтожены. И вдруг была обнаружена отдельно лежавшая папка, в которой находились материалы, написанные Некрасовым или принадлежавшие ему. Мне предоставили возможность познакомиться с ними.

Что же собрано в этой папке (сейчас она передана в Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины)? Несколько писем, адресованных Некрасову, в том числе известное обращение Александра Солженицына к съезду писателей, которое автор разослал многим членам союза. Написанная от руки на 27 страницах статья «Иван Дзюба, каким я его знаю», так и не увидевшая света, поскольку писавший после того, как видный украинский критик за «антисоветскую деятельность» был осужден на пять лет (суд над ним состоялся в Киеве летом 1973 года, а несколько месяцев спустя грянул тот самый обыск у Некрасова — рукописи изъяти). Вскоре рода шутили импровизации Виктора Платоновича (он обожал литературные мистификации), сочиненные на отдыхе в Контебеле. Наконец, черновые наброски нескольких собственных писем.

Поводом для письма А. В. Снежневскому послужила статья за подписью К. Брянцева в «Известиях» под названием «Лжерасветы в трясине клеветы». Каково, а? Что ни слово в заглавии, то ругательство. А как же иначе, когда речь там идет о наших «отщепенцах» и их зарубежных покровителях. А откровения автора, к примеру, звучат так: «Со страниц западной печати, начиная от подметного эмигрантского «Посева» и кончая претендующей на солидность американской «Интернашл геральд трибюн», на разные радиоголоса (как обычно, всех ставается «переголосить» мюнхенская «Свобода») систематически распространяются самые дикие небывшие откровенно того, что в Советском Союзе в психиатрических больницах будто бы содержатся «совершенно здоровые люди»...» И далее в том же духе, а затем идет пространное, занимающее более половины статьи интервью с известным ученым-психиатром. На него-то и откликнулся своим письмом Виктор Некрасов.

Многоуважаемый Андрей Владимирович! Я не обращался бы к Вам с этим письмом, если бы не прочитал в газете «Известия» за 24 окт. статьи К. Брянцева «Лжерасветы в трясине клеветы», в которой приводится и Ваше высказывание.

Не сжог, меня не могли не озадачить мысли, высказанные известным советским ученым, директором Института психиатрии Академии медицинских наук СССР академиком А. В. Снежневским: «Да, я также читал эти абсурдные сообщения о том, что в СССР помещают здоровых людей в психбольницы. Как и все мои коллеги, не могу не выразить чувства глубокого негодования по поводу этого злого вымысла».

Вымысел ли это? И дикий ли? Не дико ли как раз противоположное, то, что и должно было, на мой взгляд, вызвать у Вас чувство глубокого негодования?

Откровенно говоря, меня не очень-то интересуют упомянутые Вами отчеты и высказывания франц. и америк. психиатров. Вряд ли они могут верно судить о постановке дела в нашей психиатрии, посетив ну, допустим, Винницкую психбольницу и не побывав в Казанской или Черняховской, полудомовенных, как Вам известно, отнюдь не министру здравоохранения СССР. Меня, да и не только меня, конечно же, куда более интересует авторитетная оценка советского психиатра, занимающего достаточно ответственное (и перед историей тоже) положение, А. В. Снежневского, кот. безусловно знаком с положением дел во всех психиатр. учреждениях Сов. Союза.

Будучи уверенным в этом, я и позволяю себе обратиться к Вам со следующими вопросами:

1. Знакомились ли Вы с историей болезни тех людей, которые в статье именуются «обоймью»?

2. Согласны ли Вы с выводами и диагнозами этих историй болезни?

3. Встречались ли Вы с этими людьми, исследовали ли их? (В противном случае не преждевременно ли говорить о диком вымысле?)

Я позволяю себе задать Вам эти вопросы, так как со своей стороны хорошо знаю друзей и родственников кое-кого из этой «обоймы» (П. Григоренко и В. Буковского, в частности) и у меня нет никакого основания не доверять их утверждению, что и тот, и другой психически совершенно здоровы.

Содержание в псих. больницах здоровых людей акт антигуманный и противозаконный. Вы утверждаете, что таких случаев в нашей стране нет. Более того, Вы позволяете цитировать Ваши высказывания некоему К. Бряцеву, журналисту, о компетентности которого в вопросах психиатрии говорить не буду, а о порядочности сужу по всему стилю статьи, по манере излагать факты, по нежеланию называть конкретные имена.

Но в конце концов бог с ним, с Бряцевым, с него вняти гладки. Вы же крупный специалист, академик, и пост, занимаемый Вами сейчас, ко многому Вас обязывает, и в первую очередь, как мне кажется, бороться за правду, за истину, за то, чтобы в нашей стране не могло повториться происшедшее в свое время с П. Чаадаевым, чтобы среди наших психиатров не встречались профессора, по-

Из архивов КГБ Нашлись черновики Виктора Некрасова

добные Сикорскому, опозорившему себя в деле Бейлиса.

Впрочем, разве можно сравнить положение Чаадаева с участием Григоренко или Буковского? Чаадаев был «по высочайшему повелению объявлен сумасшедшим», но жил у себя дома, встречался с людьми и мог работать. Григоренко же, вся «вина» которого в его честности и бескомпромиссности, одними врачами был признан здоровым, другими — больным, а сейчас находится в одиночке психбольницы Министерства Внутр. дел, от всех изолирован и лишен какой-либо возможности работать, а значит и по-человечески существовать.

Не стоит ли задуматься над всем этим? Над тем, что волнует сейчас многих людей, в том числе и меня.

Позволю себе в заключение напомнить Вам одну фразу из «факультетского общения», которое давалось в свое время врачами при получении диплома:

«Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не погрязать чести славословия, в кот. ныне вступаю».

С уважением

Виктор НЕКРАСОВ,
писатель

Окт. 1971.

Ответ не заставил себя долго ждать. Привожу его с очень небольшими сокращениями.

Москва, 12 ноября 1971 г.

Глубокоуважаемый Виктор Платонович!

Включенное в статью Брянцева (далеко несовершенно — согласен с Вами) мое интервью преследовало одну цель — защиту от клеветы отечественных психиатров, а вместе с ними и нашу страну. За все 46 лет моей психиатрической работы я не встретил ни одного случая заведомо неправильного помещения в психиатрическую больницу здорового человека.

Мне известны истории болезни всех лиц, о которых так много пишут в газетах Англии, Франции, США, заполняют ими радиопередачи и о которых пишут и Вы в своем письме.

...Все лица, о которых идет речь, вместе с другими были привлечены к судебной ответственности и должны были понести по существующим законам наказание. Но в процессе судебного следствия возникло подозрение, в отношении упомянутых лиц, в наличии у них психического заболевания. В связи с чем они и были направлены для судебно-психиатрической экспертизы в Институт судебной экспертизы им. Сербского для стационарного исследования. Последнее должно было установить наличие или отсутствие у них психического заболевания и высказать свое мнение о вменяемости (ответственности за совершенное).

...П. Григоренко несколько раз помещался в больницу, выписывался из нее. Вновь привлекался (за новые нарушения) к судебной ответственности, опять назначалась судебная экспертиза и больничное лечение.

Я его видел в 1963 г., позволяю не согласиться с Вами, у него паранойя с достаточно явными изменениями личности.

Буковский несколько лет назад,

задолго до привлечения его к судебной ответственности осматривался, по просьбе родственников, мною. В то время у него был тяжелый психоз. Но его особенности позволяли предполагать наступление очень постепенного выздоровления, но со значительными стойкими остаточными изменениями склада личности. В то время особенности его заболевания были включены в диссертацию одного из сотрудников нашего Института.

Через какое-то время он был привлечен к суду, но тогда был признан невменяемым. В дальнейшем он вновь привлекался к суду и в связи с окончанием приступа психоза признавался уже вменяемым и отбывал наказание. В последнее время он вновь был на экспертизе в Институте им. Сербского. В этот раз экспертиза признала его ответственным — судя по теперешнему его состоянию. Считается ли с этим суд — неизвестно. В случае несогласия суда назначается новое исследование и новая экспертиза, с другим составом экспертов.

Простите, Радио Франции вчера передало сообщение о его осуждении и, как следовало ожидать, снабдило это сообщение вымыслом. В сообщении добавлялось, что он был помещен в псих. больницу для лечения, но благодаря протесту общественных деятелей и жены переведен в концлагерь. Так извращенно трактовалась стационарная экспертиза.

Стационарная экспертиза — мера необходимая. Она преследует интересы больных, и только их...

Вернусь к Буковскому. Насколько тяжелый след в складе личности оставил перенесенный им психоз, я сказать не могу. Его я в последние годы не видел. Но в признании вменяемости такого рода лиц, перенесших психоз, необходимо быть чрезвычайно осторожным. В этот раз Буковский смотрела очень квалифицированная экспертная комиссия, и она единогласно пришла к заключению о его вменяемости.

Такого рода лица, страдающие изменением склада личности, возникшего после психоза, относятся к пограничным между здоровым и болезненным состоянием, действительно стойкому психическому недугу. Они невыносимы для семьи, общества, а часто и для самого себя, для психиатрической больницы — они достаточно здоровы, а для тюрьмы — значительно больны. В случае любых общественных коллизий, они проявляют активность значительно большую, чем здоровые, и в результате снижения у них отражения смысла (сути) реального бытия и готовности к сверхценным образованиям (идеям) — они приносят в конечном итоге вред обществу.

Лечение их, трудоустройство для психиатров всех стран составляет наиболее трудную проблему.

Вот в кратком изложении основные моего интервью.

Будьте здоровы!

Глубоко уважающий автора книги «В окопах Сталинграда». Если бы Хемингуэй составил свою «Антологию войны» позднее, он несомненно бы включил Ваш шедевр в нее.

А. Снежевский

Р. S. Сведения о болезни Григоренко и Буковского я сообщаю только Вам — они относятся к врачебной тайне.

Виктор НЕКРАСОВ среди детей Сталинграда в дни, когда отменялось 25-летие битвы.

ЧТО ТУТ сказать? Всему миру известен светлый ум и высокое мужество Петра Григоренко и Владимира Буковского, всем давно открылась истинная цена так называемых экспертных заключений ученых мужей-психиатров. Так что комментарии излишни. Остается лишь еще раз восхититься отчаянной смелостью писателя, не побоявшегося открыто (напомню год — 1971-й!) выступить против Системы. Замечу только как бы между прочим, что через два года с небольшим после обмена письмами у одного автора был обыск, допрос, затем вынужденный отъезд в эмиграцию, а у другого появилась Золотая медаль «Серп и Молот» и звание Героя Социалистического Труда, позже — Государственная премия СССР... «Вот таким манером» — как любил говорить Виктор Платонович.

Следующее письмо Некрасова обращено, судя по всему, к немецкому писателю Генриху Бёлю. На этот раз Некрасов не удержался, чтобы не откликнуться на услышанную по глушному радио статью Бёля и «отповесть» на нее в «Правде». Нужно заметить, что Виктор Платонович регулярно просматривал эту газету дома. И на чужбине, как оказалось, тоже, хотя и с несколько иной целью. Как-то во Франции, признавшись приехавшему из Союза товарищу, что порой сильно тоскует по Киеву, по Москве, по друзьям, он все же добавил, что, когда становится совсем уж невмоготу, отправляется в центр Парижа и покупает в газетном киоске любой номер «Правды», почитаешь — и nostalgia как не бывало... Но это я вспомнил так, к слову. А теперь — письмо.

Дорогой Генрих!

Три дня назад я услышал по радио твою статью, напечатанную в «Ди-цайт», и сразу же сел тебе писать. Последующие дни прибавили мне пороку — появилась статья в «Правде», а за ней, без сомнения, на наши головы посыпется ворох «гневных возмущений» академиков, писателей и эскаваторщиков.

Пишу это письмо не только, чтобы поблагодарить тебя за твое выступление — это само собой разумеется — а просто, чтобы сказать, как приятно знать, что есть где-то за тридевять земель человек, который не только думает о тебе, но и так же мучается, как ты, и не боится возвысить свой голос в защиту.

Начну это письмо со слов благодарности Попову и Маркони, только благодаря им мы можем иногда услышать друг друга, несмотря на все рогатки мировой разрядки. Подумать только: во второй половине XX века я, находясь в каких-нибудь 2—3-х часах лету от твоего Кельна, вынужден еще воображать, каким же путем доставить тебе это письмо. Когда-то, задолго еще до авиации, да и сейчас вроде есть и другой способ — лизнул конверт и бросил в почтовый ящик. Увы, все те же рогатки разрядки. В Хельсинки и Женеве до сих пор еще не могут решить, не является ли это вмешательством в суверенные права государств и не нарушает ли это традиции и обычаи той или иной страны. Итак, хвала и честь двум великим ученым, хотя и на них есть управа — нашлись же люди, которые придумали глушение, одно из самых позорных изобретений современной культуры.

Но, поговорим по существу.

Бессмысленно оспаривать гнусные обвинения никому неизвестного И. Саваева в «Правде» по адресу Солженицына. Они настолько лживы, злобны и беспомощны, что не требуют даже аргументации. Горько другое: «Правда» все-таки есть «Правда», и читают ее миллионы, и многие верят. К сожалению, но это так. Конечно же, письма большинства эскаваторщиков и бетонщиков написаны руками циничных газетчиков — самим авторам глубоко на все наплевать. Но много еще таких таксистов, вроде того, о котором писала Лидия Чуковская. «Я вот этими самыми руками хлеб собирал, когда был комбайнером, а он, видите ли, родину продает», — говорил этот малый о Пастернаке, со всей искренностью презирая его.

Вот это, действительно, ужасно. Десятки, сотни тысяч людей верят, что Солженицын и Сахаров сторонники «холодной войны» и против разрядки. Я отнюдь не идеализирую нашу агитацию и пропаганду — но ведь все существующие в нашей стране средства информации к их услугам: газеты, журналы, радио, телевидение, лекторы, инструкторы, агитаторы. Обилие и разнообразие этих средств вызывает, правда, соответствующую реакцию — радио включают, а в газете читают в основном «спорт». Но так или иначе все-таки действует. Я не встречал, правда, таких убежденно ненавидящих таксистов, как Лидия Чуковская, но от скольких людей я слышал удивленное: «И зачем им только эта «холодная война» нужна, Солженицыну и Сахарову. Такие люди — и не понимают...» И говорилось это со всей искренностью и оговорением.

Вот в этом весь ужас происходящего. Верят, хотя и не понимают.

Далее. О том, из-за чего весь сыр-бор загорелся. «Архипелаг ГУЛАГ». Отбросим опять все обвинения в предательстве, клевете и прочих грехах — тут все ясно, но, может быть, Солженицын где-то действительно перепнул палку, перешел границы дозволенного, выбрал неудачный момент для публикации?

О моменте говорить не будем: вспоминать прошлое, да еще и не очень весело, отнюдь не радостно — идет ли борьба за разрядку или нет. Речь идет о другом: вспоминать ли о нем вообще. Кое-кому желательно не вспоминать, зачем старое ворошить. Честнее же не только вспоминать, но и попытаться в нем разобраться. Если бы его — это прошлое — можно было бы вычеркнуть, но его не вычеркнешь: слишком много жизней и крови оно стоило!

На этом черновик обрывается. Что было дальше? Дописано ли письмо, доставлено ли оно адресату — не знаю и не уверен, что удастся узнать. Нет уже в живых ни Генриха, как называл писателя Некрасов, ни Вики, как мы называли его. Но черновик остался, и это еще один штрих, показывающий, каким человеком был Виктор Платонович, как близко к сердцу принимал то, что творится вокруг, как глубоко понимал суть происходящего, наконец, как открыто и смело выступал в защиту Правды без кавычек. Ужас отчаянно... Как когда-то в окопах Сталинграда.

Григорий КИПНИС,
собр. корр. «ЛГ» по Украине
КИЕВ